

УДК 94(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

БУНДОВСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

В статье показано положение еврейского населения Беларуси в разгар Первой мировой войны. Обращено внимание на политику царизма по отношению к евреям и их ответную реакцию на нее через деятельность национальных партий, а также Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России). Особый акцент сделан на освещении процесса восстановления прежних и возникновения новых структур Бунда после Февральской революции 1917 г., а также их деятельности по организации Советов рабочих депутатов, профессиональных союзов и формированию новых органов власти. Показано отношение местных бундовцев к решению общероссийских государственных, общественных, в том числе и национальных, проблем. Сделан вывод о значительном вкладе бундовских организаций в становление и упрочение демократических основ нового политического режима в Беларуси.

Ключевые слова: мировая война, царизм, Беларусь, антисемитизм, сионизм, Бунд, Февральская революция, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Земгор, Военно-промышленный комитет, Февральская революция, Советы рабочих и солдатских депутатов, профессиональные союзы, Временное правительство, культурно-национальная автономия, демократический режим.

Для цитирования: Семенчик Н. Е. Бундовские организации Беларуси после Февральской революции 1917 г. // Труды БГТУ. Сер. 6, История, философия. 2022. № 2 (26). С. 37–43.

N. Ye. Semenychk

Belarusian State Technological University

BUND ORGANIZATIONS OF BELARUS AFTER THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

The article describes the situation of the Jewish population of Belarus in the midst of the First World War. The author draws attention to the policy of tsarism towards the Jews and their response to it through the national parties' activity, including that of the Bund (the General Jewish Workers' Union in Lithuania, Poland and Russia). Special emphasis is made on the coverage of the process of restoring the old bodies of the Bund and the emergence of new ones after the February Revolution of 1917 as well as their activities in establishing the Soviets of Workers' Deputies, trade unions and shaping new authorities. Local Bundists' attitude to addressing all-Russian state and social problems (and national issues among them) is shown. The conclusion is reached that the Bundist organizations made a significant contribution to the formation and consolidation of the democratic foundations of the new political regime in Belarus.

Keywords: world war, tsarism, Belarus, anti-Semitism, Zionism, Bund, February Revolution, All-Russian Zemstvo Union, All-Russian Union of Cities, Zemgor, Military Industrial Committee, February Revolution, Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, trade unions, Provisional Government, cultural and national autonomy, democratic regime.

For situation: Semenychk N. Ye. Bund organization of Belarus after the February Revolution of 1917. *Proceedings of BSTU, issue 6, History, Philosophy, 2022, no. 2 (263), pp. 37–43 (In Russian).*

Введение. Сведения о Бунде периода Февральской революции в советско-партийной литературе БССР представлены в виде нескольких журнальных статей, по содержанию – резко критического свойства, в духе прокурорской оценки деяний уголовного характера. Причина тому – реформаторская, умеренная политика еврейской социал.-демократической партии Бунд в решении назревших государственных и общественных проблем России, осуществляемая вопреки экстремистской деятельности

большевиков-ленинцев. Только со сменой парадигмы в сторону приоритета общечеловеческих ценностей появилась возможность исследовать и оценить вклад бундовцев Беларуси в упрочение завоеваний Февральской революции.

Основная часть. К началу 1917 г. социально-экономическое и политическое положение России продолжало ухудшаться. Царь и правительство напрягали усилия, чтобы довести войну до победного конца. Их деятельность, однако, не находила необходимого участия со

стороны всех жителей многонациональной империи, имевшей основания называться «тюрьмой народов». Что касается еврейского населения, то поддерживаемая царизмом политика антисемитизма не оставляла ему шансов на получение равного с «великороссами» социально-правового статуса. Одним из следствий того стала популяризация среди евреев идеи об обретении собственного государства Израиль.

Эта идея, подаваемая сионистами в качестве общенациональной, частично разделялась партиями еврейских трудящихся – социалистами-сионистами («сеймовцами») и территориалистами) и поалейсионистами (ЕСДРП).

Члены Бунда (Всеобщего еврейского рабочего союза в Литве, Польше и России) не без оснований также считали себя выразителями интересов еврейского рабочего класса. Являясь составной частью РСДРП и строя с ней отношения на принципах федерализма, бундовцы продвигали программу культурно-национальной автономии, которая предполагала единый разговорный язык (идиш), светскую систему просвещения и развития культуры. Будущее еврейского народа бундовцы связывали не с Израилем, а с республиканской Россией, и именно в целях ее преобразования они, по мере своих возможностей, вместе с РСДРП внедряли революционные идеи в трудящиеся массы.

Все эти и иные процессы, обусловленные военным временем, нашли свое отражение в жизнедеятельности евреев в свободной от германской оккупации части так называемого «Северо-Западного края». С конца 1915 г. в городах и местечках Витебской, Могилевской, части Минской и трех уездов Виленской губерний оставалось от 1,5 до 2 млн евреев, коренных жителей и беженцев.

Репрессивная и дискриминационная политика царизма по отношению к евреям оставалась неизменной даже здесь, в прифронтовой зоне. Она основывалась на убеждении в их абсолютной враждебности к русскому государству и православной церкви. Исходя из этого, военные и гражданские власти подозревали евреев в шпионаже и в симпатиях к германцам. На тех же основаниях существовал запрет на использование евреями своего языка в почтовой переписке. В то же время руководство Союза русского народа рекомендовало своему витебскому филиалу чтением лекции «О еврейской опасности для России» усилить пропагандистскую работу среди крестьян [1]. Не удивительно, что антисемитские настроения проникали даже в ряды русских рабочих. Так, в Минске около 100 рабочих Земгора, завербованных из Калужской губернии, заявили протест «против того, чтобы их мастером был жид» [2].

Однако действовавший в прифронтовой зоне военно-полицейский режим не исключал возможностей революционной пропаганды. За годы войны группы революционеров частично переместились в организации по обслуживанию действующей армии. К примеру, бундовец Аронсон Г. Я. на протяжении трех лет работал секретарем Витебского Военно-промышленного комитета [3].

Наличие бундовских структур в Беларуси и их высокая мобильность стали очевидными сразу после отречения царя от трона и выхода в свет Декларации Временного правительства с провозглашением демократических свобод и революционных обновлений. Уже 9 марта в Витебске был избран партийный комитет Бунда из 10 человек во главе с М. Я. Ноткиным [4].

В первой половине марта были воссозданы бундовские комитеты Минска, Бобруйска, Гомеля и Орши. Время активизации бундовцев в городах и местечках Беларуси совпало со все-русским празднованием 6–10 марта Дня Свободы, символизировавшего победу над царизмом. Участники приветствовали Петроградский Совет РСД, пропагандировали программу и агитировали новых борцов в свои ряды.

К середине марта минская организация Бунда установила связь со своим ЦК и организовала доставку его газеты «Ди Арбейтер Штиме». В 20-х числах марта в Минске побывал один из основателей Бунда Вайнштейн А. И., а затем отбыл в Петроград для подготовки партийной конференции. Своих делегатов на нее отправили бундовцы Витебска, Гомеля, Бобруйска, Городка, Минска, Могилева, Невеля, Орши, Полоцка, Слуцка [5, с. 338].

Поскольку перед социал-демократами России разных течений (меньшевики, большевики, межрайонцы, бундовцы) предстояли схожие политические цели, то у них же возникла объективная необходимость в интеграции и создании совместных объединенных организаций (ОО РСДРП). При этом бундовцы сохраняли за собой право осуществлять свою национальную программу.

Важнейшими направлениями деятельности бундовских организаций Беларуси стало участие в создании Советов с целью поддержания порядка и оказания помощи комитетам общественной безопасности. Уже 4 марта бундовцы Перель, Фрид и Мандельштам участвовали в создании Минского Совета. 8 марта в Витебске эту работу возглавил Г. Аронсон. Первым главой Бобруйского Совета РД был избран бундовец Юхвид Н. З. Кроме того, в марте Советы РД стали действовать в Борисове, Дриссе, Лепеле, Орше, Полоцке, Речице, Рогачеве, Слуцке. Большинство партийных

депутатов относилось к социал-демократам, в том числе и бундовцам.

Не менее значимой для бундовцев являлась профсоюзная деятельность. Не случайно в ряде городов она началась одновременно с организацией Советов РД. По мнению руководителей Бунда, «профессиональные союзы должны сохранять нейтралитет в области партийной политики, то есть, должны быть политически беспартийными» [6]. Главным образом, усилиями Бунда в течение марта профсоюзы возникли также в Витебске, Минске, Могилеве, Гомеле, Орше, Рогачеве.

Большое влияние на бундовское движение в стране оказала состоявшаяся 1–4 апреля в Петрограде X конференция Бунда с участием 83 делегатов, в том числе 16 из Беларуси, представлявших около 20 000 партийцев. Президиум возглавил А. Вайнштейн, до того избранный председателем ЦК партии [5, с. 338–341].

Принятые резолюции становились обязательными для всех членов Бунда. В числе важнейших – решения о «защите революционной России», поддержке Временного правительства, неотлучном осуществлении национально-культурной автономии и др.

Конференция постановила создать областные комитеты (ОК) – Южный с центром в Киеве и Северо-Западный в составе Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний с центром в Минске В Северо-Западный ОК были избраны А. Вайнштейн (председатель), М. Я. Гурвич, А. Браун, Янкель, А. Д. Киржниц, И. В. Теумин [5, с. 350].

Весной минская организация Бунда в количестве около 1000 человек оставалась крупнейшей в Беларуси. Важным ее достижением стал выход 11 мая газеты «Дер Векер» (редактор М. Я. Фрумкина-Вихман).

2–5 июня на I областной конференции было решено учредить районные комитеты в Минске, Гомеле, Витебске и Смоленске.

6–7 августа состоялась 1-я конференция бундовских организаций Минской губернии с участием 24 делегатов от более чем 3500 членов партии. Одним из ее решений стало создание губернского комитета [7].

В конце августа состоялось переизбрание Минского комитета Бунда. В его президиум вошли: И. Теумин (председатель), Б. Черный, Е. Гурвич, Я. Левин, Г. Ботвинник.

К середине октября ЦК Бунда переехал в Минск. Сюда же переместилась газета «Ди Арбейтер Штиме», а «Дер Векер» была преобразована в центральный печатный орган партии.

Бобруйские бундовцы (председатель комитета Юхвид Н.) создали вторую крупную организацию губернии, численность которой в ав-

густе достигала 850 чел. Бундовские организации в 200–300 человек существовали в Мозыре, Слуцке, Речице [8, с. 584].

Одна из крупнейших организаций Бунда возникла в Гомеле. 25–27 мая здесь прошла конференция Могилевской губернии, представлявшая 2390 членов партии. Избранный конференциями губернский комитет возглавила Д. Я. Притыкина.

15 июля в результате перевыборов гомельский комитет возглавила Р. В. Брук. В августе численность местной организации Бунда достигла 800, а могилевской – 430 человек [8, с. 584–585].

В Орше бундовцы действовали в составе самостоятельной организации. Ее численный состав вместе с дубровенской приближался к 600 [8, с. 585].

В Ветке и ее окрестностях числилось около 500 бундовцев. Их организации действовали в Шклове, Горках и Быхове [8, с. 585].

Витебскую организацию в составе 650 человек возглавлял М. Я. Ноткин. На губернской конференции, состоявшейся 12–13 мая с участием делегатов от 8 организаций, он был избран председателем губернского комитета [9]. К августу в губернской организации уже состоялось до 2000 человек [8, с. 585].

После скоропостижной смерти М. Ноткина обязанности губернского и городского руководителей Бунда перешли к Г. Аронсону [10].

Таким образом, весной – летом в Беларуси возникла сеть губернских, уездных, городских и поселковых организаций Бунда во главе с Областным комитетом. Основная энергия партийных организаций была сосредоточена на защите социально-экономических интересов еврейского рабочего класса, участии в Советах РД и органах самоуправления.

Популяризации бундизма способствовала партийная и советская пресса, а также рабочие клубы, например, имени Б. Гроссера в Витебске и Орше. В начале апреля при Гомельском Совете была создана пропагандистская комиссия во главе с лидером бундовской организации Брук Р. В., которая поставила целью «научное освещение вопросов момента с точки зрения интересов пролетариата и крестьянства» [11].

Бундовцы Бобруйска, Ветки, Витебска, Гомеля, Двинска, Дисны Дриссы, Игумена, Минска, Могилева, Мозыря, Орши и Дубровны, Полоцка, Речицы [8, с. 585–586] приняли участие в Объединительном съезде РСДРП, где, помимо прочего, прозвучало стремление всей социал-демократии к осуществлению их национальной программы с учетом прав меньшинств на основе культурно-национальной автономии [12].

С весны по осень 1917 г. в большинстве Советов РД сохранялось значительное бундовское присутствие. Так, с избранием на должность председателя Ландера К. И. Минского Совета его рабочий отдел возглавлял бундовец Перель. Вопросами рабочего движения в Полоцке занималось бюро Совета РиСД (председатель Р. Левин) [3, л. 193].

Традиционно первостепенная заинтересованность бундовцев улучшением материального положения трудящихся обусловила преимущественно экономический характер деятельности Советов РД.

За отчетное время с марта до конца июля Витебский Совет РД организовал до 20 профсоюзов, ЦБПС, примирительную камеру, разрешил более 100 экономических конфликтов. Кроме этого, Совет принимал участие в общеполитической жизни и боролся с контрреволюцией. 29 июля новым председателем был избран эсер Цетлин М. С.) [13].

Могилевский совет в своей массе состоял из военных. Как и его рабочие депутаты, они были последователями РСДРП.

Крупнейшим Советом РиСД оставался Гомельский (председатель социал-демократ Севрук П. Н., заместитель председателя бундовец Гезенцвей С. А.), но влияние в нем рабочих было незначительным. Показательно также, что 10 октября при пере выборах нового председателя Совета РиСД эту должность занял серповец Эвентов Л. Я.

В Оршанском, Рогачевском Советах РиСД роль рабочих в совместной с солдатами организации также оставалась незначительной. Мстиславский и Чериковский Совет РД не проявляли заметной активности.

Из остальных, не занятых кайзеровскими войсками уездах Беларуси, наиболее значимые Советы действовали в Браславе, Вилейке, Молодечно, Друе, Радошковичах. Вследствие слабого уровня промышленного развития региона в них наблюдалось полное преобладание солдатских депутатов.

В силу ряда причин социального, национального и психологического характера между солдатскими и рабочими депутатами Борисова, Гомеля, Городка, Горок, Лепеля, Орши и других городов наблюдалась известная отчужденность. В этих условиях солдаты уделяли больше внимания общеполитическим вопросам, а рабочие депутаты действовали в соответствии с установками своих партийных комитетов и профсоюзов. В Витебске так и не удалось объединить Совет РД и Совет СД, поскольку рабочие не хотели этого, инстинктивно боясь растворения в чуждой им среде, в серой солдатско-крестьянской массе.

Такого рода обстановка не мешала рабочим депутатам и партийцам решать общественно значимые дела. Так, несмотря на установку о беспартийности профсоюзов, занятость бундовцев проблемами еврейских рабочих была настолько плотной, что терялась граница между их экономической и партийной деятельностью.

К середине мая в Минске рабочие около 30 профессий уже создали союз приказчиков (1500 человек), «Игла» (800 человек), табачных фабрик (600 человек), кожевников (400 человек). В конце мая был утвержден устав Центрального бюро профессиональных союзов (ЦБПС). В начале августа в его президиум входили 7 человек, главным образом бундовцы.

В Витебский ЦБПС, созданный во второй половине апреля, вошли 18 союзов из 20. Его руководство составляли по 2 представителя от каждого союза, 3 – от исполкома СРД, и по 1 – от социалистических партий.

25 апреля был избран временный президиум в составе бундовского лидера и председателя СРД Аронсона Г. (председатель), бундовца Цетлина Э. (товарищ председателя), эсера Шумелишского Н. (секретарь). Крупнейшие союзы объединяли приказчиков (1300 человек), домашнюю и ресторанный прислугу (1200 человек), обработчиков кож (1100 человек).

13 апреля в Могилеве состоялось первое заседание ЦБПС, а 15 мая был избран его президиум (председатель Пинус С. М.) [14].

В июне в Гомеле около 7000 рабочих объединялись в 20 профсоюзах. Самый крупный из них – союз «Игла», организованный членом Бунда Притыкиной Д., к октябрю насчитывал в своих рядах около 1200 человек [15].

В Мозыре, Дисне, Ветке существовали общие для всех рабочих профсоюзы с едиными правлениями. Важнейшим достоянием союзов стало установление на предприятиях (Мозырь, Витебск, Бобруйский у.), а также в масштабах населенных пунктов (Минск, Рогачев, Ветка) 8-часового рабочего дня. В целях решения спорных вопросов создавались примирительные камеры.

Бобруйский комитет Бунда, кроме городской деятельности, занимался организацией заводских комитетов, профсоюзов и партийных ячеек в окрестных местечках Паричи, Глуск, Старые Дороги и других.

Лидеры Бунда (как и всей центристской части РСДРП) в своей агитационно-пропагандистской деятельности по рабочему вопросу исходили из тех программных положений, что Февральская революция по своему характеру являлась буржуазно-демократической, и поэтому, мол, с сохранением капиталистических от-

ношений – законодательное оформление 8-часового рабочего дня, минимума заработка, других социальных гарантий оставалась и важнейшей целью трудящихся.

Создание влиятельных профсоюзов, согласительных палат, укрепление позиций рабочих партий позволяло действовать без постоянной помощи Советов. Неслучайно в июле – августе и позже даже в крупнейших Советах Беларуси (Минский, Витебский, Гомельский) наблюдалось снижение активности рабочих депутатов.

В политической части деятельность бундовских организаций проявляла себя менее заметно, чем в производственной, воплощаясь, в основном, в совместных с другими представителями «революционной демократии» акциях (манifestациях, митингах, расширенных заседаниях Совета) по поводу важнейших общероссийских или местных событий и т. д. Ярким проявлением такого рода совместной деятельности всех политических сил с участием Бунда стали выборы в городские и земские самоуправления.

Как известно, Апрельская конференция Бунда предписала членам партии немедленно приступить к созданию на местах органов национально-культурной автономии еврейской нации на основании всеобщего и т. д. избирательного права с участием всех граждан обо-его пола старше 20 лет, причисляющих себя к еврейской национальности. При этом отмечалось, что «внутреннее устройство национально-культурной организации будет определено Еврейским учредительным собранием в границах компетенции, которая будет установлена Всероссийским учредительным собранием в основных законах».

Многое от того, насколько «органы национально-культурной автономии еврейской нации» будут отвечать интересам трудящихся, также зависело и от результатов выборов в городские самоуправления (думы).

После выхода в апреле закона о выборах в городские самоуправления по всей стране началась подготовка к избирательной кампании. Особый интерес к выборам проявлял Бунд, поскольку от их результатов могло зависеть не только социальное благополучие еврейских трудящихся, но и будущее еврейской общины как субъекта национального самоуправления. В частности, бундовцы предполагали «изъятие из ведения государства и органов местного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры» [5, с. 270].

Неодинаковый политический вес (численность, авторитет, возможности) бундовских организаций в городах Беларуси обусловил разные способы сбора голосов. С учетом того,

что здесь проживало до половины всего еврейского населения, можно было ожидать острой конкурентной борьбы со стороны многих национальных партий и объединений. С учетом того, что большинство партий относили себя к «революционной демократии», для завоевания в думах основной массы депутатских мест они считали целесообразным объединить свои усилия в совместном «социалистическом блоке». Так, в Витебске в него вошли кандидаты РСДРП, Бунда, эсеров и энесов; Могилеве – РСДРП, Бунда, эсеров, энесов и социал-демократов Королевства Польского и Литвы; Гомеле и Бобруйске – РСДРП, Бунда, эсеров и польских социалистов; Мозыре – Бунда и эсеров; Минске – РСДРП, Бунда и большевиков. В Игумене и Горках бундовцы выступали самостоятельно.

Конкуренты бундовцев – Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия и Поалей Цион чаще выступали совместно в «национально-социалистическом блоке» (Бобруйск, Витебск, Гомель, Минск, а прочие еврейские кандидаты – в «национальном блоке», сионистских и «беспартийных» списках. По словам минской газеты, «в еврейских кругах преобладают национальные течения: сионистское и так называемые «национальных социалистов». Эти противоположные группы как бы объединились на ожесточенной борьбе против Бунда [16].

Подавляющее большинство мест в думах заняли кандидаты «социалистического блока», в том числе выдвиженцы от Бунда.

Выборы в волостные земства прошли с минимальным количеством участников. Так, свое избирательное право использовала только пятая-шестая часть жителей Орши и Бобруйска. Как показали результаты земских выборов, прочные позиции заняли эсеры и меньшевики, а в среде еврейских трудящихся – бундовцы.

Как и все граждане свободной России, бундовцы связывали решение своих и общественных интересов с созывом Учредительного собрания. Перед Советами, профсоюзами, а также перед бундовцами, которые взяли на себя роль выразителей интересов еврейского рабочего класса, встала последняя задача – добиться принятия Учредительным собранием соответствующего законодательства. В этих целях они решили объединить свои усилия с испытанным союзником – РСДРП и составить единые списки кандидатов во Всероссийский парламент. Так, в список от Витебского избирательного округа (№ 9) объединенной РСДРП и Бунда они включили 5 бундовцев во главе с Р. А. Рейном. По Минскому округу в список № 5 из 17 человек включили 9 бундовцев, среди которых первая строка отводилась

А. И. Вайнштейну. По Могилевскому округу (список № 2) РСДРП и Бунда из 22 человек было включено 11 бундовцев во главе с М. И. Либером [17]. По Западно-фронтовому округу в списке № 5 объединенной РСДРП среди 17 человек бундовцы не значились. Тем не менее огромный перевес на стороне «революционной демократии» позволял им надеяться на достижение своих целей, в том числе и по национальному вопросу.

Заключение. После свержения самодержавия Бунд оставался классово-партийной организацией, но при этом являлся сторонником ненасильственного, реформационного развития общества, утверждения демократического режима, что, в частности, проявилось в его участии в делегировании своих представителей в новые органы власти и демократизированные самоуправления Беларуси. Деятельность бундовских организаций с момента возрождения в марте 1917 г. характеризовалась их первоочередной занятостью экономическими потребностями местного еврейского рабочего класса. Основным его костяк составляли рабочие фабрик, заводов, ремесленных мастерских и других предприятий, имевшие опыт революционной борьбы. Именно в их среде Бунд создал и объединил большинство профессиональных союзов. Созданные при участии бундовцев Советы РД стали дополнительным средством в решении экономических проблем трудящихся. Характерно, что в общественных интересах во время решения трудовых споров

с предпринимателями рабочие отдавали предпочтение не забастовкам, а примирительным камерам. Во взаимоотношениях со своими политическими противниками они использовали общепринятые формы и методы, в том числе идейную борьбу, но никогда не прибегали к насилию.

Осознавая зависимость конечных целей своей программы от степени участия в ее реализации, бундовцы сумели в краткие сроки возродить прежние и создать новые партийные организации, выстроить действенную систему управления ими и подчинить ее центральным органам. В конечном счете это обусловило скоординированные действия бундовцев Беларуси со Всероссийской «революционной демократией» по сплочению масс вокруг Советов под лозунгами поддержки Временного правительства, в вопросе войны, укреплению завоеваний революции и т. д. Все важнейшие политические события страны (I Всероссийский съезд Советов РСД, поддержка летнего наступления русской армии, осуждение попытки большевистского переворота 3–4 июля и Корниловского мятежа, Демократическое Совещание и др.) прошли при активном участии местных бундовцев.

В целом, реально по тем временам значимость Бунда в российской истории и текущей жизни можно было оценить по многочисленным отзывам в прессе, когда «революционная демократия» всей страны, в том числе Беларуси, праздновала его 20-летний юбилей в октябре 1917 г.

Список литературы

1. Витебский листок. 1917. 12 янв.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Оп. 4. Ед. хр. 46. Л. 2.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 2496. Оп. 1. Ед. хр. 400. Л. 41.
4. Витебский листок. 1917. 10 мар.
5. Рафес М. Очерки по истории Бунда. М.: Московский рабочий, 1923. 440 с.
6. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 169. Л. 28.
7. Новое варшавское утро. 1917. 10 авг.
8. Большевики в 1917 году. В 3 т. Т. 2. От июльских событий до Корниловского мятежа. М.: Прогресс-Академия, РОССПЭН, 1995. 832 с.
9. Известия Витебского Совета. 1917. 20 мая
10. Витебский листок. 1917. 5 авг.
11. Гомельская копейка. 1917. 9 апр.
12. Вперед. 1917. 30 авг.
13. НАРБ. Ф. 60. Оп. 3. Ед. хр. 147. Л. 22.
14. Молот. 1917. 14 авг.
15. Рабочая мысль. 1917. 17 окт.
16. Новое варшавское утро. 1917. 7 июня.
17. Рабочая мысль. 1917. 14 окт.

References

1. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, January, 12.
2. Natsional Archives of Republic of Belarus (NARB). Fund 60. I. 4. F. 46. L. 3.

3. National Historical Archives of Belarus (NHAB). Fund 2496. I. 1. F. 400. L. 41.
4. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, March, 10.
5. Rafes S. M. *Ocherki po istorii Bunda* [Essays on the history of the Bund]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1923. 440 p.
6. NARB. Fund 60. I. 3. F. 169. L. 28.
7. *Novoye varshavskoye utro* [New Warsaw morning], 1917, August, 10.
8. *Men'sheviki v 1917 godu. V 3 t. T. 2. Ot iyul'skikh sobyitiy do Kornilovskogo myatezha* [Mensheviks in 1917. In 3 vols. Vol. 2. From the July events to the Kornilov rebellion]. Moscow, Progress-Akademiya, ROSSPEN Publ., 1995. 832 p.
9. *Izvestiya Vitebskogo Soveta* [News of the Vitebsk Council], 1917, May, 20.
10. *Vitebskiy listok* [Vitebsk leaf], 1917, August, 12.
11. *Gomel'skaya kopeyka* [Gomel kopeck]. 1917. April, 9.
12. *Vpered* [Forward], 1917, August, 30.
13. NARB. Fund 60. I. 3. F. 147. L. 22.
14. *Molot* [Hammer], 1917, August, 14.
15. *Rabochaya mysl'* [Working thought], 1917, October, 17.
16. *Novoye varshavskoye utro* [Working thought], 1917, June, 7.
17. *Rabochaya mysl'* [Working thought], 1917, October, 14.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchyk Nikolai Yefimovich – DSc (History), Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 20.09.2022